

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В МАНЬЧЖУРИИ

Светлана Ивановна ЛАЗАРЕВА,
кандидат исторических наук

Феномен российской благотворительности XIX — первой половины XX в. совсем не исследовался в советский период, ибо противоречил идеологическим установкам отечественной историографии. Только в 90-е годы наметился отход в общественном мнении от отрицательной оценки деятельности предпринимателей-филантропов. Отказ от старых стереотипов способствовал утверждению в исторической литературе мнения о необходимости многоаспектного изучения этого вопроса.

Приоритет в постановке проблемы принадлежит зарубежным исследователям, которые согласно традициям западной школы главное внимание уделили институтам благотворительности и их функционированию. В изучении же филантропии отечественными специалистами преобладало жизнеописание русских благотворителей: братьев Третьяковых, династии Морозовых, Саввы Мамонтова и др¹.

В начале 90-х годов XX в. появляются работы о женской благотворительности в дооктябрьской России, в которых представлен целый ряд женщин, ставших образцами самоотверженности в деле помощи больным и инвалидам, поддержки малоимущих, бедняков — от великой княгини Елизаветы Федоровны, графини С.В. Паниной и до активисток благотворительности конца XIX — начала XX вв. М.В.Трубниковой, А.П.Философовой, А.Н.Шабановой и др².

Что же касается проблем благотворительности русских эмигрантов в Маньчжурии, то, несмотря на ее научную и общественную значимость, она не получила должного освещения в современной исторической литературе. В результате исследование данной темы в российской исторической науке переживает начальный этап, отличающийся рядом особенностей. Первое — становление проблематики на академическом уровне связано прежде всего с исследованиями, родившимися в послевоенный период и проживающими в России. Второе — существуют сложности, связанные как с отсутствием многих важных источников по филантропической деятельности российских эмигрантов, так и теоретических достижений и терминологических особенностей, выработанных в сопредельных областях гуманитарной науки.

Обращаясь к изучению истории благотворительности русских эмигрантов в Маньчжурии, следует подчеркнуть, что в центре внимания автора находятся представители российской эмиграции, образовавшейся из старожилов, к которым относились предприниматели, осевшие в Маньчжурии в дореволюционный период, бывшие служащие КВЖД и беженцы, прибывшие сюда после революции 1917 г. и гражданской войны. По социальному составу это были лица духовного звания, общественные деятели, военные и гражданские чиновники, казаки, учителя, музыканты, крестьяне, рабочие. Несомненно, что развитие благотворительности в этом регионе связано с ростом русского населения главным образом за счет беженцев, чей жизненный уровень был очень низок и степень адаптации к новым условиям незначительна.

Растущее число бедных и безработных в среде российской эмиграции стало серьезной социальной и психологической проблемой, за решение которой взялись сами эмигранты. Развитие получили частная, церковная и частично общественная (но не государственное призрение) благотворительность, в отличие от России, где вопросы помощи малоимущим и нуждающимся в дореволюционный период решались на всех уровнях: государственном, муниципальном, сословном. В советскую эпоху политическая парадигма в отношении социально не защищенных слоев претерпела трансформацию и в течение нескольких лет в сочетании с репрессивным механизмом обеспечивала некоторую стабильность.

В статье речь пойдет о благотворительности как общественной активности, связанной с выделением юридическими и физическими лицами (но не субъектами государства) денежных и материальных средств, и с личным сотрудничеством частных лиц в деле помощи нуждающимся.

Начало переселения в Маньчжурию значительного числа русских в связи со строительством КВЖД в конце 90-х годов XIX в. явилось важным социально-демографическим фактором, вызвавшим первую волну благотворительного движения в этом регионе.

Этическими же основами русской благотворительности явились, во-первых, православные идеалы: от святых и русских князей киевского периода до проповедников XVIII—XIX вв. Тихона Задонского и Иоанна Кронштадтского. Щедрая милостыня накануне Рождества и Пасхи была для русских непременным атрибутом подготовки к этим праздникам. Во-вторых, увлечение гуманистическими идеями. В XIX в. место патриархальных религиозных идеалов занимает европейский гуманизм с его идеями общественной и моральной обязанности личности делать добро. В-третьих, идея служения народу, осознанная русской интеллигенцией за рубежом как долг перед своей Родиной.

Именно накопление и синтез всех этих моральных качеств, а также восприятие западных принципов научно-организованной благотворительности в условиях складывающейся социально-экономической жизни русских привели к взлету благотворительности среди них. Инициаторами ее явилась передовая часть русской интеллигенции. Они развернули в Маньчжурии работу по созданию сети благотворительных организаций, учреждений и обществ, на формирование которых оказали влияние особенности региона (геополитические, демографические, социально-экономические), стимулирующие потребность русских поселенцев в медико-социальной и материальной поддержке и помощи. Фактически в 90-е годы прошлого века в Маньчжурии стали возникать зримые ростки общественной, церковной и частной благотворительности и медицинской помощи населению.

Постепенно усложняющаяся обстановка экономической и общественно-политической жизни в связи с увеличением населения в Маньчжурии послужила толчком к образованию целого ряда новых благотворительных организаций частного характера. Частные благотворительные организации возникали здесь на средства старожилов и приобретали полукоммерческий характер, так как принимали в свои стены главным образом лиц, нуждающихся в призрении за определенную плату. Бесплатно содержались в учреждениях не более 200 чел., что составляло около 14% всех нуждающихся³.

Общая особенность, характерная для возникавших организаций, заключалась в том, что их финансирование складывалось из трех основных источников: пожертвований, привлечения средств местных органов управления, доходов от коммерческой деятельности.

Жертвователи руководствовались разными мотивами: глубокой религиозностью, стремлением почтить память близких, желанием поднять престиж фамилии и др.

Несмотря на различные источники финансирования, у благотворительных организаций была одна главная цель — оказывать материальную и медико-социальную помощь нуждающимся лицам, проживающим в Маньчжурии.

Среди беженцев, прибывших из России после революции 1917 г. и гражданской войны, значительное число составляли женщины. Оказавшись в тяжелых условиях эмиграции, они стремились приспособиться к новой ситуации, искали выход своей энергии, становились членами различных организаций, проводили большую культурно-просветительскую работу. Значительная часть из них занялась благотворительной деятельностью, которая являлась индикатором процессов, происходивших в политической и общественной сферах страны расселения.

Русские женщины стояли у истоков благотворительного движения в Маньчжурии, ими было основано множество обществ и заведений, разнообразных по направленности действий. В 30-е годы в работе различных благотворительных организаций принимала участие 321 женщина⁴. Эти заведения занимали ведущее место в инфраструктуре женских движений. Благотворительная деятельность являлась существенным адаптивным механизмом, снижавшим повседневные стрессы для женщин, вынужденных самостоятельно обеспечивать свое существование на чужбине.

В основу деятельности создаваемых женщинами благотворительных организаций были положены такие принципы, как опора на собственные силы, экономическая независимость благодаря самостоятельной профессиональной деятельности, саморазвитие и самопомощь.

Основными направлениями работы всех благотворительных организаций были материальная и медико-социальная поддержка малоимущих, учащихся, студентов; забота о престарелых, инвалидах войны; движение сестер милосердия и др.

Но наиболее распространенной формой женской благотворительности было попечение о детях. Ею занималось более половины существующих благотворительных организаций.

Благотворительное движение в Маньчжурии опиралось в своем развитии на многовековой опыт российской филантропии и милосердия. Традиции милосердия и сострадания уходят в историю России: до середины XVI в. преобладала религиозно-оформленная личная, частная благотворительность. С появлением Соборного уложения 1649 г. происходит переход к системе общественного призрения. С середины XIX в. до 1917 г. государственные формы благотворительности сочетаются с общественными и частными. Именно в XIX в. особым покровительством царской семьи пользовались учреждения помощи детям. Личному участию монарха и его супруги в делах благотворительности не случайно придавалось серьезное значение — это была демонстрация положительных качеств правителя и его семьи как с христианской, так и с гражданской точек зрения. Традиция патронажа состоятельных лиц над благотворительными организациями получила широкое распространение и в Маньчжурии.

Непосредственное участие в благотворительной деятельности принимали Управление КВЖД, Харбинский муниципалитет, Общество Российского Красного Креста и др. Высшие круги железнодорожной администрации горячо поддержали создание Русско-китайского приюта для детей-подкидышей. Приют был устроен по инициативе супруги управляющего КВЖД Камиллы Альбертовны Хорват, председательницы Харбинского благотворительного общества. Приют стал первым шагом русских женщин в деле помощи нуждающимся детям. Позже, в январе 1920 г., в Харбине Иверским братством был организован приют-училище «Русский Дом» (как приют-училище стал функционировать с января 1924 г.), ставший впоследствии самым популярным благотворительным учебным заведением. Он носил характер российских военно-морских училищ и кадетских корпусов. 100 его слушателей воспитывались в русском национальном духе⁵. Характерно, что 50% воспитанников составляли «платные» дети⁶.

Говоря о детских благотворительных учреждениях, действовавших в Маньчжурии в эти годы, нельзя не отметить общежитие «Патронат» М.Н.Юзефович (открыт 5 октября 1920 г.), где в начале 20-х годов получили воспитание 39 русских мальчиков и 8 девочек⁷, приют для девочек при женском

Богородице — Владимировском монастыре (основан 10 декабря 1932 г.), поименованный Ольгинским в честь киевской княгини Ольги, издревле называемой «начальницей веры» и «корнем православия». В нем воспитывались и получали образование около 100 русских девочек, более половины из них были круглыми сиротами, а остальные — дети несостоятельных родителей⁸, однако только 30% детей содержались бесплатно. Заслуживает внимания и Общество защиты детей (дневной приют «Ясли»), открытое еще до революции, 18 января 1913 г. Образовала его группа русских общественных деятелей с целью оказания помощи малоимущим семьям. На полное иждивение принимались дети от 2 до 7 лет, родители которых вынуждены были работать, чтобы иметь средства на существование. Ежедневно содержались от 36 до 70 детей⁹. Женщины-эмигрантки окружали детей материнской любовью и лаской, рассказывая им о далекой России, читали произведения русских писателей и поэтов, воспитывая у детей любовь и уважение к далекой Родине.

Постепенно организации начали сочетать благотворительность с взаимопомощью. Если в Германии и Франции женские благотворительные учреждения сосредоточивались на том, чтобы научить женщин из рабочей среды быть хорошими женами, матерями, домохозяйками, то здесь, в Маньчжурии, своеобразие благотворительных учреждений заключалось в том, что женщины решали путем взаимопомощи свои собственные проблемы: девочкам давали образование и профессиональное обучение, вдовам, самостоятельным женщинам и женщинам-служащим предоставляли рабочее место или приют на определенные дни¹⁰.

Широкое участие женщин в разных областях благотворительной работы было ярким и позитивным моментом в формировании русской диаспоры в Маньчжурии, однако в контроле над благотворительным движением доминировали мужчины.

После октября 1917 г. в Маньчжурии оказалось большое число бывших офицеров Российской армии, казаков. Из всех контингентов послеоктябрьской эмиграции именно офицеры пребывали в самом тяжелом и гнетущем положении. Тут была и материальная нищета, и каждодневные моральные страдания, вызванные утратой социального статуса. Многие из них стали инвалидами или просто опустились. Заботу о них взяло на себя основанное 24 сентября 1919 г. Харбинское общество помощи инвалидам. Инициатором его создания был генерал-лейтенант Д.А.Хорват, первым председателем — хорошо известная своими благотворительными делами в Харбине К.А.Хорват. После нее председателями общества были генерал М.М.Пешков, генерал-лейтенант Н.Г. Володченко, профессор Н.Э.Эсперов, М.А.Демишхан (в 1935 г. стал начальником 5-го благотворительного отдела в составе Бюро по делам российских эмигрантов) и др¹¹. За период своего существования (1919—1944 гг.) общество оказало помощь 4000 чел., 54 чел. из них помощь была оказана не один раз. С его помощью эмигранты приобретали специальности, заканчивали высшие учебные заведения. Так, в 30-е годы получили высшее образование 114 чел¹².

Позже, в 1923 г., был основан Союз русских военных инвалидов Маньчжурии (председатель генерал-майор М.Е.Обухов), который выдавал денежные пособия, ссуды не только военным инвалидам, но и их семьям.

Трудные условия жизни, безработица вызвали новый подъем благотворительного движения, являвшегося мощным компенсаторным механизмом, призванным смягчить удары судьбы по наиболее уязвимым слоям населения (переселенцы, беженцы, одинокие матери, престарелые, многодетные и малообеспеченные семьи, сироты и т.д.).

Особенно большую работу в этот период проводил Харбинский Комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), организованный в 1923 г. Круг его благотворительной деятельности был широк. Он оказывал большую помощь беженцам в приобретении паспортов, в их трудоустройстве, в предоставлении бесплатной медицинской помощи, помогая нуждающимся продуктами и денежными пособиями.

В 1931 г. существовали только постоянные благотворительные учреждения комитета: два общежития (в Модягоу и Госпитальном городке), давшие приют 808 чел. в течение 3108 дней. Было выдано также 30893 хлебных пайка и столько же порций горячей пищи, роздано 7056 предметов одежды и 1556 пар обуви¹³.

В 1933 г. уже в трех общежитиях (в Модягоу, Брусиловском, в Госпитальном городке) получили кров и пищу 390 мужчин, 163 женщины, 803 ребенка; было выдано 140 порций горячей пищи, 384 хлебных пайка. Пострадавшие от наводнения в 1932 г. получили 649 хлебных пайка: 388 взрослых и 261 ребенок¹⁴.

В 1934 г. ХКПРБ взял на свое попечение свыше 300 немецких беженцев, прибывших из СССР, позже они были переданы представителям немецкого правительства¹⁵.

За период с 1923 по 1938 г. комитет благотворительности израсходовал на различную помощь свыше 300000 гоби¹⁶.

В начале 30-х годов в Харбине действовали 13 благотворительных организаций, где содержались 267 детей и 117 престарелых и инвалидов¹⁷. Среди них наиболее известными стали приют-училище «Русский дом», общежитие «Патронат» М.Н.Юзефович, Русский общественный комитет (основан в 1932 г.), Монастырская больница им. Доктора Казем-Бека (открыта 1 ноября 1931 г.) и др.¹⁸. Огромную медицинскую помощь больным оказывала Монастырская больница, созданная при поддержке широких кругов русских православных жертвователей.

Итоги деятельности больницы показали, что среднегодовая занятость койки была очень высокой и доходила до 370 дней в году (1933 г.), что говорит о перегруженности больницы¹⁹. Через нее прошли 3256 больных, среди которых были не только русские (3225), но и поляки (88), маньчжуры (79), немцы (34), латыши (19), греки (7) и др.²⁰.

Помощь больным оказывалась и совершенно бесплатно, их доля составляла в 1933—1935 гг. около 18,2%²¹.

Существенным недостатком в работе благотворительных организаций в этот период было отсутствие координации между ними, дублирование основных направлений работы.

В период оккупации Маньчжурии Японией возникло Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) в 1933 г., позже в составе Бюро стал работать самостоятельный отдел по оказанию помощи нуждающимся. Приказом от 11 апреля 1935 г. был создан 5-й благотворительный отдел в составе БРЭМа, начальником которого стал М.А.Демидхан²². Его финансирование складывалось из добровольных пожертвований и ежегодных одного «кружечного» сбора и одного «счастливого базара». В поисках средств для своего существования и оказания помощи нуждающимся отдел на страницах местной печати неоднократно обращался к состоятельным слоям русской эмиграции, а также к отдельным лицам с просьбой прийти на помощь. Нередко многие русские эмигранты становились постоянными жертвователями отдела, поддерживая его ежемесячными взносами.

Большую помощь благотворительным организациям оказывало Харбинское общественное управление (ХОУ), В 1938 г. финансовая помощь была оказана «Русскому дому» (4200 гоби), «Дому милосердия» (2000 гоби), Ольгинскому приюту (900 гоби), «Патронату» М.Н.Юзефович (900 гоби) и т.д.²³.

С созданием отдела благотворительная работа, проводимая различными учреждениями, была объединена, систематизирована и взята под контроль. С целью выявления эмигрантов, находящихся в тяжелом материальном положении и нуждающихся в различных видах помощи, отдел решил провести анкетное обследование.

По данным городской управы за август 1937 г., в Харбине проживали 25865 чел. русских эмигрантов²⁴. Если в дореволюционное время на это число

русского населения приходилось бы 3% нуждающихся в призрении, то в середине 30-х годов таких уже было 1,5 тыс. чел., не считая безработных²⁵. В анкетном обследовании приняли участие 2039 эмигрантов. Его результаты показали, что одинокие и престарелые составляли 308 чел., вдовы и дети — 1185 чел., полные семьи, нуждающиеся в различных видах помощи, — 546²⁶. Благотворительный отдел и входившие в него организации стремились охватить всех нуждающихся и облегчить их существование.

В 1937 г. в Харбине вели работу уже 15 таких организаций, в том числе школа глухонемых. Так, бесплатную медицинскую помощь обеспечивала Монастырская больница им. Доктора Казем-Бека, Благотворительная больница памяти доктора Казем-Бека; бесплатным жильем, питанием, одеждой детей и престарелых — Дом милосердия, приют-убежище им. Митрополита Мефодия, Ольгинский приют, общежитие «Патронат» М.Н.Юзефович, Серафимовская народная столовая, Русский общественный комитет, ХКПРБ; инвалидам, потерявшим трудоспособность во время войны, помогал приют Общества помощи инвалидам; поддерживал военных инвалидов и их семьи, выдавал им денежные пособия и ссуды Союз русских военных инвалидов; подарки и денежные пособия к праздникам Рождества и Пасхи выдавало Софийское приходское попечительство; воспитание и образование детям давали приют-училище «Русский дом» и дневной приют «Ясли»; в единственной на Дальнем Востоке школе глухонемых особой системой обучали письму, общеобразовательным предметам и ремеслу глухонемых разного возраста.

В 1937 г. в 14 благотворительных организациях (без школы глухонемых) содержались 616 чел. детей, престарелых и инвалидов²⁷.

Помимо этого благотворительный отдел оказывал денежную помощь учебным заведениям. Только в 1936 г. Бюро выдало гимназии 6500 гоби; Объединенной гимназии — 4000 гоби; Институту Св. Владимира — 4000 гоби и др.²⁸ (см. табл. 1).

Как показывает таблица, благотворительный отдел старался построить свою работу на основе бесплатной помощи нуждающимся: число бесплатных обедов возросло с 715 в 1935 г. до 8341 в 1938 г., т.е. в 11,6 раза; увеличился размер денежных пособий со 132.00 гоби в 1935 г. до 2942.50 гоби в 1938 г. — в 22,3 раза; возросло число лиц, которым оказывалась амбулаторная помощь, почти в 6,9 раза; увеличилось количество (на 663) выданных бесплатных рецептов и т.д.

Следует отметить, что в 1938 г. объем средств, отпущенных отделом на благотворительную работу, сократился; это было связано с ухудшением социально-экономического положения эмигрантов накануне войны, с сокращением числа жертвователей и размеров сумм, выделяемых ими на благотворительные цели, а также рядом других причин.

Несмотря на все трудности, благотворительный отдел оказывал как медицинскую помощь (помещал эмигрантов в больницы за свой счет, оплачивал лекарства, различные операции), так и занимался социальными проблемами: выдавал денежные пособия на погребение умерших, помогал нуждающимся семьям, содержал детей-сирот, одиноких вдов и стариков.

Продолжали работу и благотворительные организации. Большой популярностью в 30—40-е годы пользовалась Серафимовская народная столовая, открытая в 1933 г. при Иверской церкви в Харбине по инициативе протоиерея Николая Вознесенского. Значительная поддержка столовой оказывалась путем устройства различных обедов, «кружечных» сборов, «счастливых базаров», лотерей, концертов, спектаклей. Этой работой занимался Дамский кружок под председательством М.Г. Антипас-Метакас. По данным столовой, за все время ее существования с 9 декабря 1933 г. по 1 января 1942 г. было отпущено 370317 платных и 143738 бесплатных обедов, а в общей сложности — 514055 обедов²⁹.

В 1934 г. при Серафимовской столовой возник приют для престарелых, больных, а также детей. В среднем в нем содержались от 18 до 32 чел. Глав-

Благотворительная деятельность отдела при БРЭМе

Виды помощи	Годы			
	2-я пол. 1935 г.	1936	1937	1938
Отпущено обедов, из них:	1322	3954	20990	12573
бесплатных	715	2174	13870	8341
за полную стоимость	475	1243	4146	3611
за счет отдела	132	537	2976	621
Выдано денежных пособий (гоби)	132.00	389.50	2066.00	2942.50
Оказана бесплатная амбулаторная помощь (чел.)	193	439	1207	1339
Выдано бесплатных рецептов (шт.)	-	423	817	1086

Примечание: Таблица составлена на основании источников: ГАХК. Ф.830. Оп.2. Д.106. Л.137, 138; Д.99. Л.78, 79; Д.164. Л.67, 100, 110—114.

ные расходы здесь шли на питание. Дети в приюте обучались ведению хозяйства. В программе обучения обязательным был Закон Божий.

Новая волна благотворительности развернулась в годы второй мировой войны (1939—1945 гг.). Война оказалась той экстремальной ситуацией, которая пробудила у многих русских эмигрантов стремление к милосердию, способствовала дальнейшему развитию разных форм и методов благотворительной помощи, важнейшие среди которых были: медико-социальная поддержка инвалидов; призрение сирот-воинов; трудоустройство нуждающихся; выдача денежных пособий малоимущим; организация жилья и питания, медицинская помощь беженцам, создание столовых для нуждающихся.

Несмотря на трудности военного времени, лишения и страдания, благотворительный отдел и входившие в него организации продолжали работу. Если в 1940 г. благотворительным отделом на все виды помощи было израсходовано 34071.31 гоби, то в 1943 г. — 87062.38 гоби³⁰, т.е. почти в 2,5 раза больше.

Активизировали работу и различные благотворительные организации, росла выдача нуждающимся хлебных пайков, обедов из столовых, организованных при них, изыскивались средства для помощи одиноким людям и детям. Особенно это видно из деятельности ХКПРБ (табл.2).

Как видим из таблицы, ХКПРБ увеличил выдачу эмигрантам хлебных пайков и обедов за период с 1941 по 1944 г. в 2,3 раза.

В суровые военные годы усилия большей части русских эмигрантов были сконцентрированы на помощи тылу. Она оказывалась прежде всего семьям военнослужащих. Кроме того, создавались фонды, средства в которые поступали от проведения вечеров, лотерей, концертов и т.д. Отдельные частные компании принимали участие в организации противовоздушной обороны. Так, компания «Чурин и К» проводила семейные противоздушные учения.

Мариинская община сестер милосердия Красного Креста в Харбине ежегодно выпускала сестер милосердия. Всего их с 1941 по 1945 г. было подготовлено более 150 чел.

Хотелось бы подчеркнуть, что все благотворительные организации выделяли единовременную помощь русским эмигрантам, оказавшимся в сложных, экстремальных ситуациях; значение этих обществ в Маньчжурии было особенно велико, так как они помогали русским эмигрантам выжить, не умереть от голода и болезней, обосноваться на новом месте, найти применение своим силам и знаниям, сохранить веру в себя, разобраться в сложной жизненной ситуации.

Таким образом, благотворительное движение в Маньчжурии — это закономерный процесс, основанный на опыте дореволюционного филантропического

**Работа Харбинского Комитета помощи русским беженцам
по выдаче хлебных пайков и обедов**

Виды помощи	Годы			
	1941	1942	1943	1944
Хлебные пайки	11148	12008	-	26118
Обеды	11148	12008	-	26118

Примечание: Таблица составлена на основании источников: ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.148. Л.55, 56, 57, 58, 59.

движения в России. Его формирование происходило одновременно с ростом русского населения в регионе под влиянием социально-политических, социально-экономических и демографических факторов и имело свои особенности.

- ¹ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-е г. — 1914 г. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1995; Шапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России; национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX в.: Историки мира спорят. М., 1994. С.84—88. и др.
- ² Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50—60-е гг. XIX в. Л., 1984; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России. 1860—1917. Иваново, 1994 и др.
- ³ ГАХК. Ф.830. Оп.2. Д.164. Л.114, 115.
- ⁴ Там же. Оп.1. Д.202. Л.1—6.
- ⁵ Там же. Д.30. Л.119.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Великая Маньчжурская империя: К 10-летию юбилею. Харбин, 1942. С.309.
- ⁹ ГАХК. Ф.830. Оп.2. Д.164. Л.31, 32.
- ¹⁰ См.: Шапов А.Я. Благотворительность в дореволюционной России...
- ¹¹ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.30. Л.120.
- ¹² Там же. Оп.2. Д.164. Л.125; Д.114. Л.24.
- ¹³ ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.115. Л.29—39.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Голос эмигрантов. Харбин, 1939. 1 янв.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАХК. Ф.830. Оп.2. Д.164. Л.3—8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.115. Л.29—30.
- ²⁰ Там же. Д.102. Л.45, 47.
- ²¹ Там же.
- ²² ГАХК. Ф.830. Оп.2. Д.136. Л.31, 34.
- ²³ Там же. Д.95. Л.81.
- ²⁴ Там же. Д.164. Л.115.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Д.95. Л.74.
- ²⁷ Там же. Д.99. Л.78,79.
- ²⁸ Там же. Д.106. Л.84, 90.
- ²⁹ Великая Маньчжурская империя... С.306, 309, 310, 311.
- ³⁰ ГАХК. Ф.830. Оп.2. Д.136. Л.31—34.

SUMMARY: The Author of the article «Philanthropy of the Russian Emigrants in Manchuria», Candidate of Historical Sciences, Svetlana Lazareva raises the question of philanthropy of the Russians who emigrated to North Eastern China at the end of the 90s of the XIX century and in the first half of the XX century. During the Soviet period this theme has not been almost investigated. The first wave of charity movement the author considers to be the period of building Chinese Eastern Railway . The Russian intelligentsia took the lead in it basing on the long year experience of the Russian philanthropy and mercy.